* * *

С белых пятен в полярных пустынях
не сводя воспаленных зрачков,
никогда не носил я ни синих,
ни зеленых защитных очков.
Трехпудовых бахил каблуками
я ступал на болотную твердь:
мне хотелось своими руками
все потрогать и все осмотреть.
Я ходил в чешуе и накрапах
обжигающей кожу рапы,
я вдыхал неожиданный запах
креолина и свежей щепы.
Я дивился нежданному диву:
на земле, что пустой не была,
скрепера выносили к обрыву
синеватых ножей зеркала.
И на самом далеком кордоне
по спине загудевшей моей,
как лопаты, ходили ладони
уважающих дружбу людей.
Счастлив я, что и в этой округе
не нашел нелюдимой земли:
оплетенные жилами руки
проводами ее оплели,
чтоб металл и холодные волны
отразили взахлеб и взахлест
нашу Родину, вставшую в полный,
далеко не законченный рост.
Мне достойнее жребия нету.
Я готов и сегодня опять,
по кривой огибая планету,
в океане дома увидать,

видеть вымпел, летящий вдогонку,
и у края полярных горбов,
как молочные зубы ребенка,
изоляторы новых столбов.